

И. С. Веселова

**«ДЕЛЬНАЯ КИЛЬЧАН БРАТЬЕВ АНДРЕЕВЫХ»,
ИЛИ ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ ДЕЛЕНИЯ ПОРОВНУ
У КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу памятника юридической письменности севернорусских крестьян XVII в. в контексте современных практик. Материалом послужили записи в ходе полевых исследований в деревнях Мезенского и Лешуконского районов Архангельской области. Рассматриваемый в статье документ фиксирует договоренность о разделе отцовского наследства между тремя братьями. Феномен письменного оформления имущественных отношений утрачен к началу XX в., в частности из-за уничтожения частной собственности и раскулачивания в советское время. Однако включенное наблюдение за повседневной жизнью и данные интервью проявляют сложные навыки выделения долей, социальной ответственности, ограничения корысти и стремления к безобидному разделу ресурсов (деления наследства, общего улова, добычи, распределения участков под строительство). Наблюдаемые навыки вторят принципам распределения благ, зафиксированным в старинной раздельной грамоте. Первый принцип состоит в том, что в распределении благ участвуют мужчины-сиблинги, и он сохранился только при разделе промысловых угодий и инструментария. Второй принцип равного деления благ учитывает не только размер доли, но и ее качество, а также возможные риски и их компенсации, соотношение вложенных усилий и использованного совместно инструментария. При невозможности соблюдения принципа равенности по объективным причинам решение принимается при помощи жребия. Дополнительной защитой интересов партнеров служит апелляция к авторитетам-односельчанам, не заинтересованным материально в результате достигнутых договоренностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обычное право, крестьянская юридическая письменность XVII в., наследство, имущественные отношения, раздел, доля, обряды, современные практики, распределение благ, повседневность, этос

УДК 398:347.6(470.1/.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-94-104

ВЕСЕЛОВА ИННА СЕРГЕЕВНА — к.филол.н., доцент кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, соучредитель АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры» (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: veselinna@mail.ru

...деление на равные части числа... затруднительно, и только не затрудняются разделить пополам, и на четверти (деля пополам), на 8 (деля четверть пополам), а иные могут и на 16 (деля 8 пополам).

Корреспондент Александр Акимович Жуков, Тотемский уезд¹

Вообще нужно сказать: арифметика очень страдает у крестьян. Тотемский уезд, Неизвестный корреспондент²

Во время полевых исследований в деревне Бычье Мезенского района Архангельской области мы изучали материалы по истории края³, собранные за последние три с лишним десятилетия местным библиотекарем. Год за годом библиотекарь создавала альбомы по истории деревни, сохраняя любые упоминания о родном крае. В этих альбомах мы впервые обнаружили вырезанную из районной газеты «Север» за 1973 г. заметку корреспондента В. Попова о мезенской археографической экспедиции Древлехранилища Пушкинского Дома 1950 г. В этой заметке под заголовком «Всем — поровну» районный корреспондент написал об археографической находке двадцатилетней давности — «Дельной кильчан братьев Андреевых»⁴. В статье он пересказал содержание рукописного договора крестьян из деревни Кильца о «полюбовном» разделе отцовского наследства 1648 г.

Нечасто в районных газетах сообщают об экспедиционных находках, тем более об экспедиционных находках двадцатилетней давности. И того невероятнее — о документах о разделе давно почившей в стране Советов частной собственности. Кому из советских читателей может быть важно, как делили имущество 325 лет назад? И тем не менее...

Экспедиций — фольклорных, этнографических, диалектологических, археографических и прочих — в этих краях бывает каждый летний сезон не по одной вот уже более ста лет. Чем привлечь внимание районного корреспондента давно потерявший актуальность договор? Владимир Иванович Малышев, создатель Древлехранилища Пушкинского Дома, собирал по Русскому Северу рукописные и старопечатные книги, но попутно интересовался крестьянскими архивами и личными документами (Малышев 1962; Маркелов 1993). Недаром из всех находок он выбрал для публикации в отчете об археографической командировке за 1950 г. именно этот документ. Прочитую его начало:

Се аз, Левонтей да Михайло да Еремей Андреевы дети, Килецкия волости мезенцы, поделилисе сами промеж собою хлебом и солью, долгом и свободою, медным и железным и серебряным, и платьем и скотом, коньми и коровами и овцами, животом и всем житейским запасом поровну, на три жеребья, двором и поддворовыми землями и деревнями, горнею землею, орамою и луговою — поженскою, санными покосы и заимищи и заполоски, с путики и с лопечники и что к тем деревням и истарь прилегло, чем отец наш владел, и что мы вново нажили по купчим и по менным и по закладным, и по всем письменным крепостям, всем натрое поровну (Малышев 1951: 388).

Ленинградский филолог-древник, районный корреспондент, деревенский библиотекарь и вслед за всеми ними мы, фольклористы и антропологи, заинтересовались крестьянским договором XVII в.

¹ Материалы этнографического бюро князя Тенишева. СПб., 2008. Т. 5. Ч. 4. С. 172.

² Там же. С. 406.

³ В библиотеке деревни Бычье Галиной Федоровной Резвой создана «Комната памяти», отличающаяся от прочих персонализированным и эмоциональным нарративом о поиске погибших односельчан (одна из историй — о найденных через 70 лет по клейму на солдатской ложке останкам). При активном участии библиотекаря деревенские заводицы организовали замечательный по качеству экспозиции и экскурсионному сопровождению музей «Пезское подворье». Отдельным подарком фольклористам были записи уникальных песен, причитаний и рассказов, сделанные Галиной Федоровной в начале 1980-х гг. на полученный «из центра» для деревенской радиостанции бобинный магнитофон.

⁴ Древлехранилище Пушкинского Дома, Мезенское собрание (Мез. № 6).

Оснований для заинтересованной реакции, по-моему, несколько. Во-первых, поражает воображение сохранность письменного документа XVII в. Столбец длиной 127 см хранится сейчас в Мезенском собрании Дрвলেখранилища Пушкинского Дома. И чернила, и бумага отличного качества. Текст, написанный скорописью, прекрасно читается, что говорит о том, что документ создавали и тщательно хранили в коробе или сундуке в деревенском доме ничуть не в менее достойных условиях, чем в академическом институте. Таким образом, мы имеем дело не со случайно сохранившимся артефактом, а с важным для семьи документом, значимость которого не пропадала на протяжении жизни полутора десятков поколений мезенцев.

Во-вторых, удивляют качество письма и уровень грамотности деревенского писаря в удаленном от центра поселении. Деревня Кильца располагается в 90 км от города Мезени на другом берегу реки от проезжей дороги. До открытия автомобильной трассы Архангельск — Мезень в 2008 г. добраться до нее можно было только на лодке. Сто лет назад А. Я. Ефименко писала про материал для своей работы о крестьянском землевладении на Русском Севере с некоторым удивлением: «Для жителя центральной России крестьянин и письменность — понятия, так плохо вяжущиеся друг с другом, что никакому ученому или любителю старины из центра и в голову не пришло бы, что в его отечестве есть крестьянство, хранящее целую литературу в своих сундуках и коробах» (Ефименко 2011: 186). Прочитанное выше начало дельной грамоты говорит о том, что язык и структура документа отточены активным бытованием (что подтверждает сравнение с аналогичными документами из других коллекций и архивов). Инициальная формула «поделилисе сами промеж собою хлебом и солью, долгом и свободою, медным и железным и серебряным» ритмически организована, а финальная «Сей дел нам и во веки люб и делу друг на друга на счинать» похожа на «закрепки» магических жанров (Мальшев 1951). Кроме того, инициальная формула содержит отсылку к возможно сопровождавшему договор обряду выделения доли посредством деления хлеба и соли. «В случае мирного раздела, как правило, происходил хорошо известный обряд разрезания/разламывания еды, в первую очередь хлеба, и раздачи частей делящимся, что символически моделировало дробление общей доли семьи и образование самостоятельных долей разделяющихся» (Кушкова 2016: 110).

Третьим давно известным специалистам в области археографии и обычного права, но удивляющим лично меня обстоятельством является уровень юридической культуры крестьян четыре столетия назад. Особенно на фоне того, что жителям отдаленных северных деревень за каждой справкой и выпиской нужно ехать то в районный архив, а то и в областной. Услуги нотариуса недоступны в деревнях и дорогостоящи в районном центре. Меж тем стороны анализируемого договора предельно аккуратны в изложении своего предмета. Мы видим в исследуемой грамоте, как крестьяне в присутствии писаря и свидетелей составляют документ о разделе общего имущества после смерти отца последовательно и скрупулезно, учитывая все его составляющие (разнообразные земельные наделы, избы, хозяйственные постройки, инвентарь, запасы еды, посевного и строительного материалов, кредиты и долги), обстоятельства его использования после раздела и будущие риски. Например, Леонтию, одному из трех братьев, достается в наследство материал для строительства нового дома, в то время как двое других остаются проживать в отцовском (Михаил, который получает большую избу, компенсирует Еремею, который получает меньшую, неравенство долей четырьмя мерами ржи). Часть строительного материала, предназначенного Леонтию, составляют тесаные доски, одолженные соседу. Если должник отдает тес, то Леонтий, затевающий новый дом, обязуется не привлекать братьев к строительным работам. Если же тес не возвращают, тогда братья помогают третьему вытесать доски для крыши и полов.

А Левонтию с жеребью досталисе бревна новые избные и все, сколько вывезено сее осени сто пятьдесят первого году, да сто тесаниц, что взят по запасе на Агее Лыбашеве, и тот тес на новую избу <...>А нас, Михайла да [Е]ремея, к дворовой поделки не притягивать. А не поставить по записе тесу Лыбашев, ино нам трем братьям вытесать сто тесаниц на ево, Левонтьеву, новую избу (Малышев 1951: 387).

Дотошно братья обсудили условия будущей постройки нового амбара на старом месте. Старый амбар стоит на земле, принадлежащей отныне лишь одному из них. Братья обещают не топтать посевов вокруг амбара, а землевладелец, в свою очередь, обещает не препятствовать проходу к хранилищу. Эти и прочие условия раздела сообщают нам о недюжинной предусмотрительности братьев, писаря и свидетелей их договора. Судя по описаниям народных юридических обычаев Петра Ефименко, раздельную писали, если отец не оставил духовного завещания или если возникли спорные вопросы: «Иногда, когда не осталось в живых ни родителей, ни духовного завещания, раздел производится чрез посредников из избранных родственников и почетных соседей» (Ефименко 2009: 68). Именно этот случай представляет собой заинтересовавший нас документ. Он подписан тремя людьми, кроме самих братьев: «У подписки были люди: Емельян Малахив Кашунин, да Гаврило Антонов Шалин. Подписал на дельях Ивашко Кирилов Попов, лета 7157 (1648 г.) октября в 30-й день» (Малышев 1951). Севернорусские крестьяне XVII в. испытывали потребность письменно оформлять имущественные отношения. Эта потребность была широко распространена на Русском Севере⁵, и обслуживал ее институт писарей и авторитетных свидетелей. В крестьянских семейных архивах находили и находят документы, пополняющие фонды Древлехранилища Пушкинского Дома, Санкт-Петербургского филиала Института истории и прочих рукописных отделов (Маркелов 1993; Малышев 1962; Путеводитель... 1958; Савельева 1994). Александра Ефименко перечисляет длинный список собранных ею с мужем в начале XX в., введенных в научный оборот и изученных ими разнообразных юридических крестьянских актов: «купчие, закладные, раздельные, духовные завещания, порядные, веревные книги» (Ефименко 2011: 188).

Очевидно, что мы имеем дело с культурой, оставившей обширное рукописное наследие, которое до сих пор недостаточно изучено. Наравне с богатейшим пластом устного фольклора, который записывался и записывается на этой территории вот уже сто с лишним лет, русская крестьянская культура за 400 лет колонизации и освоения Русского Севера создала значительный письменный ресурс. Устный и письменный регистр хранения и передачи знания существовали параллельно. Письменность до второй половины XIX в. обслуживала религиозную и юридические сферы. В середине XIX — начале XX в. крестьяне освоили новые формы письменности: автодокументы (дневники, биографии), личные письма, сборники заговоров и песенники. История XX в. изменила жанровый состав крестьянской письменности. Мы не встречаем в научных архивах крестьянских

⁵ Вот данные о найденных раздельных записях в ходе двух экспедиций Пушкинского Дома в соседний с Мезенским Пинежский район. Указан шифр хранения в Древлехранилище.

580. Полюбовная расписка крестьян Ярушевской волости Мелеховской деревни братьев Кирилла и Давыда Чеусовых о том, что они поделили между собой доставшуюся им от отца расчищенную землю, 1864 г., 13 июня, в лист в 2 л, скоропись (Бобров, Шухтина 1986).

675. Дельная запись о разделе отцовского имущества и угодий между сыновьями Трофима Савастьянова, 1677 г., 3 сентября, 2 сст (Шухтина-Савельева 1990).

696. Раздельная роспись веркольцев Луки и Корнилы, детей Чеусова, разделивших наследное имущество своего отца и долги, 1724 г., 11 окт., 5 сст (Шухтина-Савельева 1990).

699. Раздельная роспись веркольцев Луки и Корнилы Чеусовых, поделивших между собой движимое и недвижимое имущество, «чем их отец благословил», 1725 г., 28 янв., 2 л. (Шухтина-Савельева 1990).

700. Та же раздельная роспись в копии. 1 сст (Шухтина-Савельева 1990).

имущественных договоров советского времени — после коллективизации и раскулачивания делить стало нечего. После репрессий за вероисповедание хранить, читать, переписывать и распространять религиозные книги было небезопасно. Наши нынешние контрагенты в деревнях с недоверием относятся к любым формам письменных договоров гражданского свойства, какого бы предмета они ни касались: найма жилья, деления наследства, оформления собственности, аренды транспортных средств. Однако устные договоренности между людьми чаще всего имеют силу закона и скрепляются рукопожатием. До рукопожатия или устного согласия, например по телефону, спорные моменты долго обсуждаются. Партнеры выдвигают аргументы, держат паузы. После заключения договора сложно интонируемым «Ну, дак ладно!» изменения в договоре недопустимы. Установление советской власти, уничтожение частной собственности, раскулачивание, отмена свободы вероисповедания, распространение школьного государственного образования — вот некоторые из лежащих на поверхности причин изменения культуры письменности севернорусских крестьян, в том числе культуры юридической. Очевидно, что документ XVII в., с которым мы имеем дело, — феномен правовых отношений ушедшей письменной культуры. Вопросы генезиса этой культуры, источников формул и типов договоров чрезвычайно интересны и нуждаются в отдельном изучении. Меня же интересует действенность принципов коллективного этоса⁶, закрепленных в старинном договоре, в современных повседневных практиках.

И сейчас при включенном наблюдении за повседневной жизнью мезенских деревень⁷, а также в рассказах о местных промыслах, обычаях и ритуалах, можно заметить сложные навыки выделения равных долей, расчета соотношения вложенных усилий и использованного совместно инструментария (Трофимов 2016), социальной ответственности, ограничения корысти и стремления к полюбовному/безобидному разделу ресурсов. Распределение благ и в современной севернорусской крестьянской⁸ культуре имеет пресуппозиции, очевидные для здешних людей, вступающих в личные договорные отношения, но неочевидные для городских контрагентов. В наши дни пресуппозиции, проговоренные в юридических документах XVI–XIX вв., обнаруживаются в повседневных практиках и габитусе. Именно на длящихся в современности ценностных или этических основаниях обычного права я и остановлюсь подробнее.

Корреспондент советской районной газеты назвал свою заметку о крестьянской раздельной записи XVII в. «Всем — поровну». Тщательное следование принципам равного распределения благ является «моментом силы» стародавнего документа. Изучение его деталей сообщает

⁶ Под этосом вслед за Г. Бейтсоном и М. Мид я понимаю стиль жизни отдельной культуры, определяемый иерархией ценностей, темпераментом и чертами характера индивидуумов (Мид 1998; Бейтсон 2009).

⁷ Методы полевых исследований совместных фольклорно-антропологических экспедиций филологического факультета СПбГУ и АНО «Пропповский центр» предполагают сочетание глубинного свободного интервьюирования с участием в повседневных практиках (сенокосе, рыбалке, сборе грибов и ягод, походах к святым местам, совместных праздничных и будничных трапезах и их приготовлении, рукоделии, лечении и т. д.). Кроме того, экспедиции проходят по несколько сезонов в одних и тех же населенных пунктах, чтобы наблюдения за практикой и дискурсом можно было перепроверить и у наших собеседников и хозяев не складывалось ощущение стремительного набега исследователей, быстрого понимания и бесследного исчезновения.

⁸ Теодор Шанин о том, кто такой крестьянин: «Хочу определить, кого я называю крестьянами. Это понятие включает единство четырех характеристик, из совокупности которых складывается понятие “крестьянство”. Во-первых, это крестьянский двор как базовая экономическая единица, где едины семья, участок земли и труд на нем. <...> Во-вторых, это село как место проживания и как единица перехода из поколения в поколение — социализации и определенной крестьянской культуры, которая, конечно, включает и “обычное” право. <...> В-третьих, это особенности занятий, причем не только работа в сельском хозяйстве <...> Важнейшая особенность здесь — это менее узкое и формализованное определение профессиональных задач. <...> Этот низкий уровень специализации связывается с очень широким диапазоном действий, которые все необходимы, нехватка знаний которых не дает возможности выполнить ту задачу, которую россияне называли “крестьянством” и чему обучались не в школах и институтах, а в семье. <...> В-четвертых, это то, что крестьянство является низшим классом (“underdogs”), классом, над которым властвуют» (Шанин 2003: 118–119). Все четыре выделенные Шаниным характеристики справедливы в отношении севернорусского крестьянства и дореволюционного (за исключением последнего пункта: именно от всякого рода начальствования и власти бежали на Крайний Север местные жители), и советского, и современного.

внимательному читателю многое о «полюбовном» делении благ, в данном случае отцовского наследства. Разделив движимое и недвижимое имущество, братья приходят к заключению, выраженному в финальной формуле, согласно которой нарушителю договора грозит штраф в 50 рублей. «Да и впередь нам, Левонтью да Михайлу, да Еремею, другу до друга в делу ни в чем ни до чего дела нет. Ни искать и не отискивать ни которыми делы и не переделиватца ни нам ни детям нашим. Сей дел нам и во веки люб и делу друг на друга на счинать. А будет которой в нас брат станет на брати своей в делу искать или отискивать, и им взять по сей дельной записе пятьдесят рублей денег» (Мальшев 1951: 388).

В раздельной братьев Андреевых мы можем увидеть несколько принципов распределения благ, некоторые из которых до сих пор актуальны, а другие утратили свою действенность.

Первый принцип проговаривается в большинстве раздельных записях XVII–XIX вв. и состоит в том, что в распределении наследства из детей участвуют только сыновья. Сестры делящихся между собой братьев (что девушки-невесты, что замужние женщины) не участвовали в разделе недвижимого имущества и движимого хозяйственного скарба. Дочери получали свои доли семейной собственности в виде приданого и собойного (личного, не вносимого в общий баланс семьи мужа) имуществ при выходе замуж. Их доля семейного имущества выдавалась им во время свадебного обряда в сундуках с деньгами, носильной одеждой, местом (постелью), украшениями, посудой. Невеста наделялась также скотом. В настоящее время дочери наравне с сыновьями имеют право на долю родительского наследства. Кроме доли во владении жилой избой, амбаром, баней, женщины семьи вступают во владение текстильным имуществом (о передаче в наследство предметов рукоделия и текстильных коллекций см.: Веселова 2017b; Голубева 2018). Сыновья получают от отцов еще и часть «мужского» промыслового инструментария и наделов — лодки, машины, путики, тони и охотничьи избушки.

О втором принципе — принципе равного деления благ — мне приходилось писать (Веселова 2017a). Равность распределения учитывает не только размер доли, но и ее качество в достаточно сложных градациях. Этнограф Петр Ефименко описывал этот пункт обычного права на материале той же коллекции крестьянских юридических документов, что и его коллега и жена Александра Ефименко: «Надворные строения, как то: повети, клети, амбары, овины, гумна и проч. хозяйственные службы — делятся целиком поровну либо на снос, по частям, то есть одному овин, а другому гумно, или же гумно пополам и овин пополам и т. д. Если недостает другому какого-либо строения (иногда даже дома), например когда двое остаются под одной крышей, а третий уходит, в этом случае по взаимному соглашению или строится одно общими силами, или на постройку его собирается общая помощь. <...> Прочее имущество: скот, хлеб, одежда — делится натурою п о р о в н у или с примерною оценкою для п р и б л и з и т е л ь н о й у р а в н и т е л ь н о с т и [выделено мною. — И. В.]» (Ефименко 2009: 67). Принцип равного деления в формах устного договора или практики распространен и сейчас при дележе наследства (оно уже не называется отцовским), а также при дележе улова или добычи при коллективном промысле. Один из наших информантов, Александр Семенович, вспоминал дележ улова после промысла невожением (когда невод, большую сеть, сшивали из нескольких частей, вносимых каждым участником артели):

В невод попадает разная рыба — и такая, и такая, и такая [показывает руками размеры]. Ну крупную там так, по размеру покидают, на глазок. Например, хариус, сиг: сиг туда, сиг туда, в общем-то так, щука тоже так. Ну крупную рыбу. А мелочь — ковшиком. Так, раскидают и все. Ну... Я сейчас вспоминаю. Федор Семенович такой был у нас. У нас деревня Конещелье выше была, я там родился. Вот, кузнец знаменитый у нас. В Империалистическую в Германии был в плену. Так вот он, в то время

семгу ловили поплавной сетью... Дак он делил, так сказать, весы такие были, ну, со скалками. И вот, значит, порежет эту семгу на куски и взвешивает: там он если чуть-чуть не хватает, ножичком отрезает и... Так сказать. Тоже вот взвешивали так. Поровну, а как же? Ну... Сейчас да. Ну в старые времена, вот когда чей невод, там пай на невод еще откидывали, на лодку, если у тебя лодки нету, ты просто пришел, так сказать, помогать, ни лодки, ни невода. Ну там на человека пай, на лодку пай, на невод пай еще, дак сказать, чей невод, чья лодка, там еще вот так сказать отдельно делили⁹.

Александр Семенович отмечает, что равные доли при совместном промысле распределяются пропорционально внесенным в промысел инструментам — лодкой ли, частью ли сети. Выделение пая на лодку и невод при прочих равных паях участников промысла описано Т. А. Бернштам как самое распространенное условие сотрудничества в промысловой артели: «При самом распространенном способе найма все <...> покрутчики получали по равному паю без различия их роли в промысле, ловкости, силы и возраста. Такой же пай выделялся и лодке, т. е. ее владельцу, как арендная плата» (Бернштам 1978: 152). В воспоминаниях промысловиков часто звучит мысль, что в невождении часто принимали участие подростки и девушки, потому что на них выделялись пай, равные паям взрослых артельщиков. При стремлении к равенности долей сложным образом конвертируются количество доли, ее качество, степень участия в добыче инструментарием, но не вложенные в процесс силы или умения, что давало шанс начинающим артельщикам получить свою долю.

Принцип равенности долей по размеру или качеству соблюдался ради избегания обид и достижения полюбовного согласия. При нехватке ресурсов одного качества прибегали к метанию жребия. Петр Ефименко описывает жеребьевку хлебом при дележе недвижимого имущества, делая акцент на том, что участники стараются избежать обид. «Для более безобидного дележа имущества вообще частенько прибегают к жребию. Жребий дает мать, если она жива; в противном случае — один из уважаемых за свою честность родственников. Мет его состоит из хлеба: на несколько частей разбивается неразделенное достояние, на столько же частей разрезывается и цельная коврига печеного хлеба» (Ефименко 2009: 67). Братья Андреевы не раз повторили в своей грамоте, что раздел их — полюбовный. О желании избежать обид при делении улова/добычи говорят и наши информанты в интервью про совместную рыбалку или охоту. Жребий при распределении добычи на промыслах и сейчас называется в Мезенском и Лешуконском районах *куконьем*. Участникам экспедиций не раз то в шутку, то всерьез предлагали распределить улов, собранные в лесу грибы или полученные гостинцы *куконьем*. *Куковать* решают при распределении участков пожни или участков под строительство, делении улова и добычи, и даже при распределении доярками сена на ферме. В одной из бесед выяснилось, что на совхозной ферме местные доярки могли получить большой надой, а следовательно, и зарплату, если рабочие-односельчане давали им лучшее сено или большие его доли. Работавшие доярками женщины из других деревень (например, вышедшие замуж) на подобные предпочтения рассчитывать не могли, поэтому их коровы получали сено худшего качества, хуже доились. «Навозные» (шуточное, но обидное, производное от того, что их «навозили» мужья) работницы получали меньше денег. Чтобы избежать вечных склок и обид на ферме, бригадирам иногда приходилось прибегать к *куконью*.

Ну раньше это куковать это не нами придумано, у нас это... эти... я сам с Мезени, у нас Поморье уже считается. У меня брат в море ходил, ну все родственники. И раньше когда рыбу-ту, их бригада была, они уйдут в море, добывают и рыбу там морскую, много рыбы. И там уже кучами кладут, не как я

⁹ Электронный архив «Российская повседневность», DTxt15-168_Arch-Lesh_15-07-04_ChursanovAS. Записано 4 июля 2015 г. в дер. Белощелье Ценогорского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. от Александр Степановича Чурсанова 194(?) г. р., местного, А. Ю. Балакиным, В. В. Турчаненко.

делю что... уже кучами-то. Там морская рыба крупная, всякая. Тогда те рыбы много было, и тогда уже приблизительно кидали, там сколько членов экипажа, и на каждого человека куча, и приблизительно раскидывали всю рыбу. Ну вот а как кому? А вдруг кому-то больше, кому-то меньше? Вот начнут вдруг: у тебя больше куча! И так далее. Чтобы этого не было, вот придумали это дело — *ку-кать*. Как посадят человека в трюм, и бригадир стоит там, например: «Иван! Эта куча кому?» Он не видит. А все остальные. Тот — Петру, тот Сергею, тот Ивану. И вот он эти кучки везде показывает, кому. Так что безо всякой, тут уже все: безо всякой тут никакой обиды!¹⁰

Последним моментом, на котором я остановлюсь, будет выбор делильщика — того, кто проводит жребий или свидетельствует о достижении согласия в договорах. Как уже было упомянуто, жребий может метать мать или уважаемый за свою честность родственник. Изредка наши информанты говорят о том, что *куконье* может проводить и самый младший из присутствовавших, желательно ребенок (то есть тот, который еще не очень осознает свою корысть). Чаще всего в промысловых артелях и деревне жребий все-таки поручали старшим и заслуживающим доверия людям. Как ответили на вопрос, кто должен делить улов, «молодые» пятидесятилетние рыбаки в деревне Белошелье, «кто самый старший! Мы-то молодые, так че... дедка пускай раскладывает, он себе меньше отложит».

Деление улова/добычи на паи авторитетным членом артели/компании отражено в северных вариантах былины «Михайло Потык». В этом сюжете друзья заглавного персонажа — Добрыня, Илья, Алеша и некий старый старичок — переодеваются каликами и ради спасения Михайло идут на двор иноземного князя, нового мужа Михайлиной бывшей жены Марьи Лебеди Белой. Своего товарища они на дворе не находят, но в качестве выкупа спокойствия от иноземного князя получают дары. Богатыри уходят в чистое поле и там поручают добычу старому старичку. Тот делит ее на пять частей, хотя в походе к князю их участвовало четверо. Богатыри недоумевают просчету, а старик говорит, что пятая доля достанется серому камню. Далее он стучит по серому камню, разбивает его и оттуда является заколдованный бывшей женой Михайло Потык. То есть дольщик оказывается все-таки пять, а прозорливым делильщиком — сам Никола-угодник. Устойчивый мотив былины поддерживает этическую установку на то, что немощный старик-калика лучше знает, как «делить живот». Он учитывает обстоятельства, которые не очевидны младшим богатырям¹¹.

¹⁰ Электронный архив «Российская повседневность» DTxt15-174_Arch-Lesh_15-07-12_BulatovAP. Записано 12 июля 2015 г. от Александра Петровича Булатова 194(?), уроженца г. Мезень, в д. Белошелье Ценогорского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. В. В. Турчаненко.

¹¹ Приходит-то калики перехожие
Ко этому ко белому ко камению.
Сговорит старая калика седатая,
Седатая да перехожая:
— Ай же ты старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Добрынюшка Микитинич!
Станемте-тко делить мы животов.
И сговорят калики перехожие:
— Ай же ты старая калика седатая!
А дели-тко наши животы.
Он стал делить их животов
На четыре четверти.
Сговорит старой казак да Илья Муромец,
А что же ты старая калика седатая,
А делишь животы на четыре четверти?
<...>
Старая калика седатая
Прискочил ко этому ко белому ко камению,
Здынул камень через плечо, бросил камень о сыру землю
И сам сговорил таково слово:
— Расколись-ко камень на двое.
Выскочил Михайло Потык сын Иванович
Со этого со белого со камня (Онежские былины... 1949: 365).

Как ни странно, но подобным гарантом справедливости выступала путешествующая однажды с нами на лодке бабушка с несколькими внуками. Каждую трапезу она выдавала всем внукам по равной доле дорожной еды и неукоснительно следила за временем, которое внуки по очереди проводили с планшетом. У нее были часы для измерения долей пользования гаджетом и представление, сколько еды взято с собой в дорогу, то есть она знала о ресурсах больше, чем те, среди которых она их распределяла.

Итак, старая раздельная запись братьев Андреевых 1648 г. недаром продолжает интересовать ученых, библиотекарей и корреспондентов. Внимательные читатели интуитивно чувствуют, что принципы равного и полюбовного деления ресурсов остаются созвучными повседневным навыкам мезенцев XX и XXI вв. Советская командная экономика и период первоначального накопления капитала постсоветского времени не отменили принципов учета равенности долей по размеру, количеству и качеству ресурсов. Наши информанты продолжают обращаться к жребию для избегания конфликтов в ситуации объективного недостатка равных по качеству долей. Раздельная грамота XVII в. демонстрирует высокую юридическую культуру крестьян с учетом разнообразных рисков и обстоятельств, чающую безобидного и полюбовного согласия договаривающихся сторон. За равенством долей и полюбовным согласием следят избранные «делильщики». Выбор авторитетов обеспечивается их незаинтересованностью в дележе или способностью поступиться собственными интересами ради достижения согласия. К сожалению, письменная культура договоров канула в Лету, но практики и устный дискурс продолжают хранить навыки «полюбовного» деления или, как минимум, представление о его ценности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. М., 2009.
- Бернштам Т. А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Бобров А. Г., Шухтина Н. В.* Пинежская экспедиция 1985 // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 41. М.; Л., 1986. С. 439–447.
- Веселова И. С.* Этнос хозяина: геометрический орнамент как таблица справедливого деления // Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю., Петрова Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб., 2017а. С. 93–116.
- Веселова И. С.* Паттерны согласованной реальности: полихромное вязание // Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю., Петрова Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб., 2017б. С. 195–228.
- Голубева Л. В.* «Одевание» пространства: мягкие границы — строгие правила // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 19–24.
- Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере (историко-юридический очерк) // Исследования народной жизни. Обычное право. М., 2011. С. 183–382.
- Ефименко П. С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009.
- Кушкова А. Н.* Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX — начала XX века. СПб., 2016.
- Мальшев В. И.* Отчет об археографической командировке 1950 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 377–388.
- Мальшев В. И.* Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442–457.

Маркелов Г. В. Крестьянские архивы в Дрвлекранилище Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1993. Т. 46. С. 495–502.

Мид М. Бали и ятмулы: качественный скачок // Культура и мир детства: избр. произведения. М., 1998. С. 72–87;

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3-х т. М.; Л., 1949. Т. 1: Кижы-Выгозеро.

Попов В. Всем — поровну // Север. 1973. 27 ноября. С. 3.

Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории / отв. ред. А. И. Андреев. М.; Л., 1958.

Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 266–314.

Трофимов А. Невод: сеть социальных отношений. Полевой отчет о фольклорно-антропологической экспедиции филологического факультета СПбГУ в 2016 г. в д. Мелогора Мезенского р-на Архангельской области // Собрание полевых отчетов. Фольклорный архив СПбГУ (на правах рукописи).

Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 116–121.

Шухтина-Савельева Н. В. Пинежские находки 1987 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1990. С. 480–488.

**“THE LETTER OF PARTITION OF ASSETS BY KILITS’S BROTHERS
ANDREEVS”, OR DISCOURSES AND PRACTICES OF EQUAL DIVISION
AMONG THE PEASANTS ON THE RUSSIAN NORTH**

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of “The Letter of Partition of Assets...” (peasant juristic document of the 17th century) in the context of modern common law practices. The materials are field research records, made in the villages of the Mezen’ and Leshukonsky districts of the Arkhangelsk Oblast. The document fixes an agreement on the division of the father’s inheritance between three brothers. The practice of written documental division of property among peasants was finished by the middle of the 21st century, in particular, due to the confiscation of private property and dispossession of “kulaks” in the Soviet period. However, the participant observation of modern day-to-day village life and field data shows complex skills of evaluation of shares, social responsibility, limiting self-interest and striving for a harmless division of resources (a division of inheritance, production, land, and places for construction). The principles of modern partition skills echo the principles of distribution of benefits, recorded in the old separate literacy. The first principle is that only male siblings are involved in the distribution of goods. After years of socialist’s women rights program, it has been preserved only in the practice of division of fishing grounds and tool’s inheritance. The second principle of equal division of goods takes into account not only the size of the share but also its quality, as well as potential future risks and their compensation, the ratio of the effort invested into good’s production process and the tools used together. If it is impossible for objective reasons to observe the principle of equality, the decision is made by drawing lots. An additional protection of all participant interests is an appeal to the village non-official authorities who are not materially interested in a result of the agreements.

KEYWORDS: Common law, the partition of assets, peasant juristic document, 17th century, inheritance, property relations, rites of dividing, modern practices, distribution of wealth, day-to-day life, ethos

INNA S. VESELOVA — Candidate of Philology, Saint-Petersburg State University; Non-profit organization “The Propp Centre: for Humanities-based Research in the Sphere of Traditional Culture” (Russia, St. Petersburg)
E-mail: veselinna@mail.ru